

В. Г. Андреева

«Жертва вечерняя» П. Д. Боборыкина и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого

В статье рассматривается влияние романа П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» на процесс создания «Анны Карениной» Л. Н. Толстого, анализируются значимые переключки художественных миров, оценивается сходство убеждений обоих писателей.

Ключевые слова: русский роман, Боборыкин, Толстой, творческие связи, заимствования, художественный метод, женские образы.

V. G. Andreeva

"Evening Sacrifice" by Pyotr Boborykin and "Anna Karenina" by Leo Tolstoy

The influence of the novel "Evening Sacrifice" by P. D. Boborykin on the process of creation of "Anna Karenina" by L. N. Tolstoy is considered, significant assonances of the artistic worlds are analyzed, and similarity of beliefs of the both writers is estimated in the article.

Keywords: a Russian novel, Pyotr Boborykin, Leo Tolstoy, creative communications, borrowings, an artistic method, female images.

Вопрос творческих связей между русскими писателями второй половины XIX века, переключек и заимствований элементов художественных миров их произведений очень интересен и до сих пор не прояснен в должной степени. В литературоведении немало говорилось о заимствованиях и подражаниях второстепенных и третьестепенных писателей мастерам слова первого ряда, а вот проблема аккумуляции классиками предыдущих открытий, творческого освоения ими находок предшественников остается актуальной и очень интересной. Сравнительно-сопоставительный анализ отдельных романов писателей второй половины XIX века приводит нас к новому, более глубокому пониманию литературного процесса того времени, позволяет в должной степени оценить вклад в русскую литературу незамеченных или когда-то популярных, а ныне забытых или малоизвестных писателей.

Уже не раз в литературоведении подчеркивалась способность Л. Н. Толстого к широким обобщениям, к творческому освоению находок иных авторов, которые в художественном мире самого писателя получали своеобразное звучание. Обратимся к яркому и до сих пор не освещенному сравнению: речь идет о заимствовании и переработке Л. Н. Толстым открытий и приемов, представленных в романе «Жертва вечерняя» П. Д. Боборыкина.

Анализ писем Толстого позволяет сделать вывод о его особом внимании к произведениям Боборыкина, к растущему таланту молодого писателя. Толстой всегда зорко следил за появлявшимися произведениями своих современников. Безусловно, он читал и роман «Жертва вечерняя», вышедший в 1868 году и получивший довольно широкий резонанс в литературной среде. А наблюдать за литературным восхождением Боборыкина Толстой начал ранее. В 1863 году Боборыкин обратился ко Льву Николаевичу с просьбой сотрудничать в журнале «Библиотека для чтения».

Из-за обилия работы Толстой по поводу сотрудничества ничего не ответил, зато два только что вышедших романа Боборыкина («Земские силы» и «В путь дорогу») прочитал и написал автору знаменательное письмо (июль–август 1865 года) со ставшей широко известной и часто цитируемой ныне фразой: «Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях» [5, т. 61, с. 100]. Между тем, цитируя эту фразу, нередко забывают, к кому она была обращена и по какому поводу написана. Эта фраза представляет собой третий из толстовских советов Боборыкину: первый касался длиннот в романах, которых Толстой советовал избегать, второй – языка, наконец, третий совет заключался в

осознании целей художника, несопоставимых с целями социологов в решении определенных «вопросов».

«Прочтя оба ваши романа, особенно две части последнего, я чувствую, что полюбил сильно ваш талант», – пишет Толстой [5, т. 61, с. 99]. После такого замечания вопрос дальнейшего интереса Толстого к романам Боборыкина сомнений не вызывает. Более того, отсутствие каких-либо отзывать Толстого по поводу «Жертвы вечерней» еще более подтверждает широту его заимствований: уже проводимые нами параллели «Анны Карениной» с романами других писателей на фоне анализа дневников, записных книжек, писем Толстого позволяют констатировать, что нередко об интересовавшем Толстого в художественном плане объекте, творчески осваиваемом им далее, сам Лев Николаевич, может быть, намеренно не упоминал. Не исключено, что такое молчание о каком-либо произведении могло быть связано как с нежеланием писателя обнажать возможные заимствования, так и с нежеланием его растрчивать и описывать впечатления, на основе которых вырастали его собственные образы и мысли.

Скорее всего, прочитав первые романы Боборыкина, Толстой не прекращал следить за всеми выходящими его произведениями. Когда Академия наук направила к Толстому, недавно получившему звание почетного академика, письмо с просьбой предложить еще шестерых кандидатов, из которых далее должен был быть выбран один, Толстой, в письме от 2 мая 1900 года, ответил: «Писатель, которого я предложил бы к избранию в почетные члены, это художник и критик П. Д. Боборыкин. Если это можно, то я повторяю это предложение 6 раз» [5, т. 72, с. 350].

Роман «Жертва вечерняя», впервые опубликованный в пяти номерах «Всемирного труда» за 1868 год, предвосхищает появление «Анны Карениной». Фактически, описывая линию Анны, Толстой мог заимствовать сюжетные ходы, мотивы и психологические находки Боборыкина. «Жертва вечерняя» оказалась новаторским произведением и на творческом пути самого Боборыкина: впервые с такой глубиной писатель показал переживания женской души, то рвущейся к миру, то замыкающейся и осмысляющей собственное состояние.

Романы Боборыкина и Толстого, безусловно, сближает ощущение непоследовательности в поведении героинь, точнее, невозможность расценить их поведение как ясное, да и хоть сколько-

нибудь закономерное с точки зрения логики трезво рассуждающего человека. И Мария Михайловна, героиня Боборыкина, и Анна Каренина постепенно все больше запутываются в условностях, диктуемых светом, в собственных предпочтениях, в стремлениях и чувствах. Строки, написанные К. Головиным про Анну Каренину, в некоторой степени характеризуют и ее предшественницу со сходной судьбой, Марию: «Если в две решительные минуты своей жизни <...> Анна поступает как раз вопреки рассудку, она тем не менее воплощает в себе ту своеобразную, не поддающуюся логике гармонию женской души, которую расстраивает грубое прикосновение черствой мужской последовательности» [3, с. 365].

Роман «Жертва вечерняя» не мог не повлиять на процесс создания «Анны Карениной», на формирование линии Анны – жертвы, палачами которой стали муж, Вронский, светское общество и его условности. Для начала остановимся на событийной канве. На первый взгляд кажется, что не так уж близки происшествия и перипетии в обоих романах, однако в процессе художественного воссоздания целостности произведений становится ясно, что параллели невозможно выстраивать без осознания того психологического и душевного состояния, в котором находятся героини на определенном отрезке своего пути. Мария Михайловна появляется в начале романа уже как молодая вдова, молодая мать. Как и в жизни Анны, определенный отрезок пути ею пройден. Более того, действие романа Боборыкина начинается без всяких вступлений и предысторий, с конкретных слов самой героини о самочувствии: «Вчера мне было особенно как-то тоскливо. Сегодня, с утра, у меня разболелась голова» [2]. Уже эти два предложения, в которых выражены соответственно душевное и физическое состояние героини, определяют, о чем пойдет речь далее. Толстой также использует этот ход внезапного начала, заставляющий читателя сразу включиться в текущую в романе жизнь.

Оставшись без мужа, который скоротечно скончался, Мария Михайловна живет замкнуто, некоторое время ей требуется фактически просто для отдыха от неистовых ласк супруга. Героиня занята собой, не обращает внимания на ребенка, и все ее время оказывается отдано придумыванию и осуществлению мероприятий, способных развеять ее тоску. Когда жизнь становится совсем однообразной и невыносимой, на горизонте появляется уже немолодой писатель Домбрович.

Попытки воспитания и нравственного развития Марии Михайловны оказываются, как понимает далее читатель, своеобразной программой по развращению молодой вдовы и втягиванию ее в порочную связь, в круг странных знакомств с такими же парами, скрывающимися от света свои связи. Старый друг Степа буквально вырывает Машу из этого общества. Для ее перерождения он знакомит Машу с Лизаветой Петровной – женщиной, посвятившей себя помощи обездоленным и спасению от рабства проституток. С Лизаветой Петровной Маша ездит по публичным домам, осознает, что существуют сорта разврата, пытается помочь кому-то из падших женщин.

Однако постепенно к этому делу Маша охладевает: ее не столько разочаровывают неудачи, просто героиня пресыщается такой жизнью, противодействие ее прежнему существованию оказывается пройденным в полной мере. На некоторое время Маша посвящает себя ребенку, она осознает существование сына, всерьез и несколько рьяно под руководством Степы начинает заниматься его воспитанием. Ее спокойный образ жизни прерывает внезапно вспыхнувшее чувство к Александру Петровичу Кроткову. Кажется, что нет преград не просто для любви между Машей и Кротковым, но для создания семьи. «Чего вы боитесь? Моей учености? Моего деспотизма? Их нет. Они в вашем воображении! Не ставьте вы между мною и вами разных надуманных ужасов! Позвольте мне любить вас... позвольте...» [2], – говорит Кротков Маше.

Единственное – Кроткову нужна жена и помощница, единомышленница в затеваемом им деле. Мария Михайловна этого пережить не может: она любит Александра Павловича, но осознает, что вся жизнь его будет отдана пока непонятной ей работе. Жить ради этой работы, ради идеи и ради Кроткова Маша не в состоянии, она слишком привыкла к самовоспитанию, к самоанализу, все ее внимание на протяжении последних лет было устремлено на собственные душевные и телесные порывы. Маше оказывается намного легче покончить жизнь самоубийством, нежели выстраивать новые отношения и жить ради кого-то.

В целом, состояние героини Боборыкина, как и состояние Анны Карениной, в финале романов можно назвать полной разочарованностью: «Хорошая во мне натура или нет, бес во мне сидит или ангел; но нет мне ни в чем исхода, ни в чем примирения. Ни в светской пустоте, ни в разврате, ни в книжках, ни в моем ребенке, ни в добре,

ни... в любви» [2], – говорит Маша. Однако поводов для отчаяния у Марии Михайловны намного меньше, нежели у Анны. По сравнению с Анной, героиня Боборыкина предстает довольно слабой, эгоистичной натурой, читатель даже отказывается понимать ее поступок в финале. Поэтому так необходимы Боборыкину отчаянные слова Степы, изображение его реакции на слова Маши о скорой смерти, ведь читатель осознает всю абсурдность страшного поступка героини. Если Каренина у Толстого впадает в некоторый род забытья, если ее отчаяние не позволяет ей прямо и непредвзято взглянуть на мир, то Маша у Боборыкина продумывает план своего ухода.

Итак, первое, что сближает романы обоих писателей, это тема женской судьбы, поднятая авторами проблема свободы выбора женщины, рассматриваемые ими вопросы обязанностей жены и матери. Боборыкин в «Жертве вечерней» довольно много внимания уделил также проблеме проституции, падения и деградации женщин. Он мастерски подвел свою рассуждающую героиню к мысли о сходстве того развратного образа жизни, который она видела «за кулисами» света, с образом жизни, который ведут женщины в богатых публичных домах: так, на вечера со своими кавалерами в странном доме съезжаются дамы, которых наша героиня знала как неприступных женщин, а в богатом публичном доме самой Маше намного проще разговаривать с женщинами, нежели ее спутнице Лизавете Петровне. Боборыкин, а после Толстой показали читателю, что любовь для большинства представителей высшего света не ассоциируется с такими понятиями, как брак и семья, что условности и странные законы общества не позволяют людям выстраивать гармоничные отношения, что любые проявления искренности и настоящих чувств отторгаются светом.

Очень негативно и резко оценил роман Боборыкина М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Новаторы особого рода». Он охарактеризовал роман Боборыкина как роман «срывания цветов удовольствия», объявил, что предметом изображения в романе является «хлам», предложил не ворошить «умственный и нравственный хлам» «биографий пустых и ничтожных людей» [4].

Но на самом деле история Марии Михайловны и интересна тем, что это история рядовой женщины, пусть немало отличающейся от других способностью думать и анализировать. В рассматриваемых романах Боборыкина и Толстого присутствует характерная для русского

романа второй половины XIX века особенность – совмещение в одном образе типичности и нетипичности. Более того, эта особенность проецируется на *женские образы*: в жизнеописаниях Марии Михайловны и Анны Карениной мы видим и общий образ жизни света, и две глубоко индивидуальные трагедии. Итак, способность к анализу во многом и приводит Машу к самоубийству, не случайно роман имеет название «Жертва вечерняя». Маша пишет свой дневник по вечерам, ночами, словно ведя двойную жизнь: днем что-то совершая, а вечером осмысляя действия и поступки. Маша у Боборыкина начинает свои приключения больше от скуки, желания реализовать избыток нерастратченных сил, а после страдает из-за своих ошибок в стремлении к искренней любви без сделок и соглашений, так и Анна у Толстого страдает за любовь. Толстой, как и Боборыкин, одной из причин несчастья женщины видит несчастливый, непродуманный брак.

Примечательно, что то телесное, чувственное начало, которое описывает в романе Боборыкин, подчеркнет Толстой в отношениях изображенных в его романе мужчин и женщин, лишенных человеческого, личностного интереса друг к другу. Толстой не отвергает любви-страсти, но обязательным условием настоящего чувства у него становится понимание другого человека, интерес к его внутренней жизни. Парадоксально, но Анна и Вронский не могут одновременно проникнуться этим пониманием, от этого возникают многие их размолвки. То Вронский, обуреваемый тщеславием и похотью, забывает об Анне-матери, о ее переживаниях, о Сереже, то Анна начинает ревновать. Вспомним, что во время единственной в романе встречи Анны и Левина Толстой подчеркивает именно способность Левина к пониманию: «Он слушал, говорил и все время думал о ней, о ее внутренней жизни, стараясь угадать ее чувства. И, прежде так строго осуждавший ее, он теперь, по какому-то странному ходу мыслей, оправдывал ее и вместе жалел и боялся, что Вронский не вполне понимает ее» [4, т. 19, с. 278].

О низкой, бессмысленной природе большинства светских браков рассуждает сама Маша у Боборыкина. Она думает, может ли быть добродетель делом второстепенным. Автор использует прием зоологизации, неоднократно сравнивая людей с животными. «Я превращусь в собаку, буду целый день смотреть в глаза румяного болвана и в моем обожании превращусь в животное, да, в животное!» [2] – пишет Маша. Кстати, животное начало во Вронском, живописце Петрове,

Махотине, многих представителей высшего света подчеркнет и Толстой [1, с. 65–72].

Уже в самом начале «Жертвы вечерней» Маша видит свою подругу на коленях любовника, и это повергает ее в ужас: «Боже мой! Всего я от нее ожидала, но этакого ужаса никогда! Я даже представить себе не могу, что можно взять в любовники обезьяну в Преображенском мундире!» [2]. После Маша не только сама становится участницей свиданий на тайной квартире, но и видит в качестве любовниц тех, кто выдает себя в свете за достойных жен и матерей. Толстой, конечно, менее натуралистично и ярко представляет в романе сцены с Софи Штольц, Лизой Меркаловой и их поклонниками. Здесь задачи обоих художников несколько разнятся. Боборыкину важно произвести впечатление на читателя, описание диких ночных танцев передает безумие и низость, подчеркивает бесовской характер такой жизни. Толстой в «Анне Карениной» изображает трагедию существования чуткой женской души в равнодушном к прекрасному, поощряющем скрытое прелюбодеяние, но губительном для чистых и светлых чувств светском обществе.

И Боборыкин, и Толстой для описания светского общества используют мотив игры. Игрой оказывается связь Марии и Домбровича, именно как игру представляет Толстой отношения дам и их кавалеров в свете. Примечательно, что сама Маша, оправдывая себя и Домбровича («Я совершенно успокоилась. Я имею руководителя и приятеля. Чего же еще больше? И потом: есть разные манеры любить» [2]), все-таки чувствует губительную силу отношений с Домбровичем, их спонтанность, их чисто внешний характер: «Так и катишься, как по железной дороге» [2]. Интересно наблюдать, как некоторые фразы романа «Анна Каренина», довольно важные для понимания эпизодов и героев, перекликаются со сходными по смыслу, а часто и почти тождественными у Боборыкина. К примеру, вышеприведенное рассуждение Маши о «разных манерах любви» соотносится с фразой Карениной о «разных родах любви».

Роман «Жертва вечерняя» мог повлиять на особенности художественного метода Толстого как автора «Анны Карениной». Прежде всего, обилие картин-зарисовок в романе Боборыкина могло способствовать созданию в «Анне Карениной» своеобразных «кадров» [1, с. 105]. Рассматриваемый нами роман Боборыкина нельзя назвать собственно натуралистическим, о чем

убедительно писал С. И. Щерблыкин, отметивший, что «полнота бытовых картин и наличие в нем критического начала дают возможность рассматривать это произведение и в русле реалистических тенденций русской литературы второй половины XIX века» [6]. Боборыкиным была найдена как раз та удивительная пропорция, при которой реалистический роман оказывался предельно насыщенным описаниями, но своей «реалистической структуры» не изменял. Разумеется, нельзя сказать, что Толстой создавал свои описательные сцены в двух параллельно развивающихся и внутренне перекликающихся линиях Левина и Анны именно под воздействием романа «Жертва вечерняя». Но нельзя также исключать, что светские сцены в романе Толстого, которым писатель нашел удивительные «сцены-рифмы», изображая жизнь Левина, появились благодаря освоению находок Боборыкина.

Именно роман Боборыкина мог подсказать Толстому необходимость изображения в романе глубин женской души: в то время как Маша у Боборыкина сама описывает свое состояние, всезнающий автор-повествователь у Толстого словно заглядывает в душу Анны Карениной, представляя читателю то емкое, но очень содержательное описание состояния героини, то ее размышления. Кроме того, форма дневника, особенно такого проникновенного и искреннего, как дневник Марии Михайловны, была близка самому Толстому, большую часть жизни не прекращавшему вести дневниковые записи.

Роман Боборыкина написан от первого лица: героиня ведет дневник, который изобилует ее наблюдениями за окружающим и выводами о своем самочувствии. Однако рамки этого дневника необыкновенно расширяются, иногда мы даже забываем, что читаем дневник. Он становится романом, а автор успешно решает сразу несколько задач. Во-первых, Боборыкину удается таким образом подчеркнуть глубину натуры Марьи Михайловны. Ее тонкие наблюдения, емкие выводы и обобщения, способность к аналитическим рассуждениям открывают в этой молодой женщине ум и талант. Во-вторых, автор создает именно роман о женщине, ее внутреннем мире, оставляя читателя один на один с героиней, позволяя ему воспринимать сокровенные строки ее дневника, который Маша предназначила после ее смерти сыну, Степе и Кроткову.

В-третьих, наблюдательность Маши и ее впечатлительность позволяют автору вместить в дневниковые записи огромный объем. Масса ки-

пящих и невысказанных (потому что высказать их некому) дум Маши, ее чувств, точные, избыточные подробностями описания окружающего, придают роману Боборыкина почти эпический размах. «Обилие, наглядность в изображении “невыдуманных” фактов жизни по-своему определяли эпичность романов П. Д. Боборыкина. <...> Эпический план повествования в романах П. Д. Боборыкина имеет, так скажем, *количественный характер*», – пишет С. И. Щерблыкин [6].

Здесь уместно остановиться и на некоторых перекличках мотивов и деталей, которые у Толстого, как и у Боборыкина, обладают функцией расширения художественного пространства романа. Однако сразу отметим некоторое различие в использовании фактов и подробностей у Толстого и Боборыкина: у Боборыкина факты, детали и подробности, даже символы, не образуют того бесконечного лабиринта сцеплений, какой мы видим у Толстого, они просто создают соответствующий уровень реалистичности. Но не исключено, что Толстой мог обратить внимание на некоторые элементы художественной изобразительности в романе Боборыкина и использовать их впоследствии, при создании стройной системы внутренних перекличек в «Анне Карениной».

К примеру, у Боборыкина есть сцена болезни Маши, у Толстого после рождения девочки болеет Анна. Конечно, сны героинь, их видения являются отражением событий жизни и предшествовавших болезни потрясений. Но читатель видит сходство состояний Марии и Анны. Интересно, что после у Толстого, пусть в другом эпизоде, также передающем нездоровое состояние Анны, мы увидим свечу, в неярком свете которой Анне мерещится что-то страшное. Кошмар Марии тоже видится при свете: «Потом схватывают меня сзади и влекут куда-то, точно в погреб. Сердце у меня начало ныть, ныть. Так мне обидно, что меня влекут с пира... И Степа мне представляется противным старикашкой, который лезет со мной целоваться... Я открыла глаза. Стемнело уж. За перегородкой горела свеча» [2].

Не раз в романе Толстого речь идет о сомнениях и неверии героев – эти стороны для автора необычайно важны. Вспомним, что именно в сомнении кается священнику Левин, что во всех окружающих ее людях сомневается Анна. Именно о сомнении и неверии пишет Маше Лизавета Петровна, когда Маша отказывается от дальнейшей активной помощи страждущим: «Вы бье-

тешь, дорогая моя Марья Михайловна, точно в агонии. О! как бы я благодарила Спасителя, если б вы на каком бы то ни было пути нашли опору вашему мятежному духу. А может быть, Господь и пошлет мне высокое счастье протянуть вам еще руку и выплакать горячими слезами все ваше неугомонное, роковое горе, самое роковое из всех, насылаемых нам, женщинам, горе: сомнения и неверия» [2]. Письмо это проникнуто обидой, читатель осознает некоторую одержимость Лизаветы Петровны, тем не менее, слова ее о сомнениях и неверии очень хорошо передают состояние героини.

Перед смертью Мария Михайловна у Боборыкина смотрит в театре «Грозу» Островского. Трагедия Катерины глубоко трогает её: «Возьми меня с собой, – прошептала я вслед Катерине, – кинь и меня в реку, дай ты мне хоть на одно мгновение твою смерть. Ты так хорошо покончила! Ты говорила о каких-то цветочках, которые вырастут на твоей могиле. Ты и в смерти-то шла на тяжкий, но сладкий грех! Почему же для меня нет ни грома, ни молнии, ни вечного пламени, ни ночного грешного загула с сердечным другом? Дайте мне глубокое суеверие! Дайте мне мрачное изуверство! Дайте мне детские грёзы, что-нибудь дайте мне, в чём бы я хоть на секунды забылась, как эта Катерина!» [2]. Она завидует Катерине, душа которой согрета простонародной верой даже в минуту трагического исхода. В отличие от героини Островского, для Марии Михайловны нет ни Бога, ни ближних, ни добра, ни убеждений. В предсмертной записке она говорит: «Моя дрянная натура и тот гнилой мирок, где всё тлен и ничтожество, вместо новой и чудной жизни, свели меня в добровольную могилу. <...> Все вещи, напоминающие мою пустую и безнравственную жизнь, пускай пойдут прахом!» [2]. И вспомним, что пишет об Анне Толстой: «Она беспрестанно повторяла: “Боже мой! Боже мой!” Но ни “Боже”, ни “мой” не имели для неё никакого смысла. Мысль искать своему положению помощи в религии была для неё, несмотря на то, что она никогда не сомневалась в религии, в которой была воспитана, так же чужда, как искать помощи у самого Алексея Александровича» [5, т. 18, с. 304].

Замечательно емкое описание Петербурга, которое мы видим в романе Боборыкина. Маша обращается к городу, принесшему ей массу страданий: «Если б ты знал, болотный и бездушный город, сколько горечи накопится в сердце только от тебя, от твоих улиц, от твоей мглы, от

твоей особой, безнадежной скуки, от разных уродов Невского проспекта, французского театра и тоскливых гостиных! <...> Ты засасываешь женщину в свою пошлую порядочность, в эту кретинизирующую атмосферу визитов, обезьянства, коньков, шпор, усов, белых галстуков, модного ханжества и потаенного, гнусного разврата» [2]. А ведь именно в Петербурге жила и страдала с Карениным Анна, именно в этом городе происходили основные события ее жизни.

Не исключено, что именно вслед за Боборыкиным, описавшим период полного равнодушия Маши к сыну, Толстой подчеркнул несколько безучастное отношение Анны к маленькой Ани. Маша у Боборыкина замечает, что ее Володька выучил всего одно английское слово от своей няньки, Анна у Толстого не знает, сколько у маленькой Ани зубов. Но это частности и следствия сходного положения женщин, подчеркнутые каждым из писателей. Примечательно, что в финале романов и Маша, и Анна вспоминают о детях, но это никак не влияет на их стремление навсегда прекратить путаницу жизни.

Очень интересно стремление Маши разобрататься в окружающих ее мужчинах и понять, чем они живут. Боборыкин заставляет Машу пройти сложный путь познаний и разочарований: Домбровича она сравнивает с мужем, «освободителя» Степу по контрасту с Домбровичем, после сопоставляет друга Степу с Кротковым. Путь постоянного анализа не укрепляет героиню, она становится неспособной к простой жизни, к созиданию. Анализ любви делает невозможными дальнейшие отношения: «Он любит меня. Я это знаю. Он хочет принизиться до меня. Я в этом не сомневалась» [2], что подтверждается мотивом игры, притворством Маши, которое так характерно для света, но не к лицу Маше и Анне. «Я обошлась с ним кротко и успокоительно, как “приютская попечительница”. Он и не заметил, что я окоченела» [2], – замечает Маша. Анна в последних сценах с Вронским также притворно холодна и именно холодную ненависть к себе видит во Вронском. Нельзя не упомянуть и о том, что Маша у Боборыкина продумывает, не являются ли ее кавалеры нигилистами, а ведь по одному из первоначальных замыслов Толстой хотел определить Анну в круг отрицателей.

Боборыкину в романе о жизни одной женщины удалось рассказать еще о многих аспектах существования русского общества. Писатель смог создать художественный мир, который одновременно оказался и замкнутым на одной

судьбе, ориентированным на убеждения конкретного человека, и разомкнутым, выводящим к миру, общественным проблемам. Художественные находки Боборыкина оказали влияние на Толстого, на процесс создания «Анны Карениной» как эпического романа. Не исключено, что и фигура Александра Кроткова, «человека простого, без хитростей», но живущего ради будущего дела, могла отчасти способствовать созданию в «Анне Карениной» сюжетной линии Левина.

Библиографический список

1. Андреева, В. Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» [Текст] / В. Г. Андреева. – Кострома: Авантитул, 2012. – 296 с.
2. Боборыкин, П. Д. Жертва вечерняя [Электронный ресурс] / П. Д. Боборыкин. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0090.shtml
3. Головин, К. Русский роман и русское общество [Текст] / К. Головин. – СПб.: Типография А. А. Пороховщикова, 1897. – 472 с.
4. Салтыков-Щедрин, М. Е. Новаторы особого рода [Электронный ресурс] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0630.shtml

5. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: Худ. лит, 1928–1958.

6. Щерблякин, С. И. Романы П. Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века [Текст] : автореф. дис. ... д-ра фил. наук / С. И. Щерблякин. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005.

Bibliograficheskiy spisok

1. Andreeva, V. G. «Beskonechnyj labirint stseplenij» v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina» [Tekst] / V. G. Andreeva. – Kostroma: Avantitul, 2012. – 296 s.
2. Boborykin, P. D. Zhertva vechernyaya [Elektronnyj resurs] / P. D. Boborykin. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0090.shtml
3. Golovin, K. Russkij roman i russkoe obshhestvo [Tekst] / K. Golovin. – SPb.: Tipografiya A. A. Porokhovshhikova, 1897. – 472 s.
4. Saltykov-SHHedrin, M. E. Novatory osobogo roda [Elektronnyj resurs] / M. E. Saltykov-SHHedrin. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0630.shtml
5. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. v 90 tt. [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M.: KHud. lit, 1928–1958.
6. SHHeblykin, S. I. Romany P. D. Boborykina v kontekste russkoj prozy vtoroj poloviny XIX veka [Tekst] : avtoref. dis. ... d-ra fil. nauk / S. I. SHHeblykin. – Tambov: Tamb. gos. un-t im. G. R. Derzhavina, 2005.